

СОБЫТИЯ АВСТРИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848–1849 ГГ. НА СТРАНИЦАХ РУССКИХ ИЗДАНИЙ XIX ВЕКА

А. А. Ершова

Образовательный центр Maximum Education

Поступила в редакцию 9 апреля 2023 г.

Аннотация: в статье исследуется реакция российских газет и журналов на народные восстания в Австрии 1848–1849 гг., вошедшие в революционное движение «весна народов». Автор рассматривает способы передачи информации через содержание и стилистику текста, а также изучает влияние «мрачного семилетия» на прессу в Российской Империи. Объектами для изучения стали издания «Московских ведомостей», «Современника», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Северной пчелы», «Библиотеки для чтения» и «Отечественных записок».

Ключевые слова: австрийская революция, российская пресса, весна народов, идеология, мрачное семилетие.

Abstract: the article deals with the reaction of Russian newspapers and magazines to the popular uprisings in Austria in 1848–1849, which became part of the revolutionary movement in Europe. The author examines the ways of transmitting information through the content and stylistics of the text, and also studies the influence of the «gloomy seven years» on the press in the Russian Empire. The objects for study were the publications of «Vedomosti of Moscow», «Sovremennik», «Vedomosti of St. Petersburg», «Northern Bee», «Library for Reading» and «National Notes».

Keywords: Austrian revolution, Russian press, Springtime of the people, ideology, gloomy seven years.

В 1848 г. Европу захлестнули волны национальных и социально-политических революций. Первым толчком для «весны народов» было восстание во Франции в конце февраля 1848 г., затем революционное движение прокатилось по всей Европе: революция прошла в Германии, в Австрии, в Дании, в Итальянских государствах. Движения получали поддержку у третьего сословия и во многих случаях способствовали проведению либеральных реформ. Революции 1848–1849 гг. подготовили падение абсолютных монархий и показали неустойчивость таких режимов в условиях социальных изменений, связанных с набирающей силу буржуазией.

Российская империя, прозванная тогда «жандармом Европы», участвовала в подавлении восстаний. Освещение австрийских событий в российской прессе было критически важным для идеологии империи, так как идеи революции были опасными для абсолютистского устройства, подрывали его основы. «Устами лидера оппозиции Л. Кошута она [революция] потребовала ответственного перед национальной законодательной властью правительства и конституции для всей империи. Последнее имело особенно важное значение: Венгрия потребовала введения конституции не только для себя, но и для всей обширной средневропейской империи» [1, 135–136]. Требование конституционного устройства силовыми методами — идея, пробужденная декабристами

и донесенная путем расправы с ними до различных слоев общества — казалась опасной угрозой для николаевской эпохи.

Так как французская революция носила название «буржуазной» и требовала не конституции и равенства граждан, а расширения прав сословия купцов и предпринимателей, для Российской империи, где буржуа еще не представляли революционной силы, она была не так страшна и, следовательно, освещалась в прессе более активно, сведения о ней куда более полные. Как пишет историк О. В. Орлик, информация о французской революции 1848 г. была основательной и регулярной: официальные сообщения русской прессы дополнялись сведениями из многих иностранных газет и журналов, а также из различного рода иностранных источников [2, 231]. Это подтверждается материалами Нифонтова, подробно рассмотревшего освещение революций 1848–1849 гг. в российской прессе и заключившего, что «жадное внимание к революционным событиям наблюдалось в России и в столичных городах, и в провинции, не ослабевая на протяжении многих месяцев».

Аналогично революция в Германии также носила скорее буржуазный, чем демократический характер: включенность народных масс в восстание была относительно малой. Австрийская же революция обладала большей политической силой, опиралась на широкие слои населения и выдвигала, следовательно, более демократические требования. «Как только политические цели совпали с социальными

силами революции, Вена взяла первенство над Берлином», — пишет Йоахим Хан [3], опираясь на включенность в дело революции народных масс и утверждая более массовый характер Австрийской революции.

Исходя из опасности выдвигаемых Австрийской революцией лозунгов и требований, информация же об этой революции в российских газетах была достаточно неполной, нерегулярной, предельно краткой и отразила боязнь подцензурной прессы говорить о событиях национальной революции в многонациональном государстве, где некоторые области, как, например, Польша, были способны к новому бунту, а столицы были готовы присоединиться к требованию введения конституции и доступа к законодательному процессу.

Предпосылки для более подробного освещения событий революции в Австрии были в широком потоке корреспонденции, поступавшей в российские города — более 100 тыс. писем, по сведениям Нифонтова, присланы были за 1848 г. из Австрии, еще 250 тыс. — из Пруссии [4, 76], однако новости из Вены и Будапешта появлялись в «Северной пчеле» и «Санкт-Петербургских ведомостях» далеко не каждый день, стали публиковаться реже к концу марта и к маю публиковались не чаще раза в неделю, тогда как «Московские ведомости» и вовсе не освещали события Австрийской революции, ограничившись двумя сообщениями в марте.

Отдельно следует отметить географию восстания — оно затронуло не только Австрию, но и всю империю Габсбургов. Фердинанд I, как представитель династии Габсбургов, к 1848 г. носил титул не только австрийского императора, но также короля Венгрии, Богемии, Галиции, Ломбардии, Венеции и Хорватии. Поэтому при рассмотрении события Австрийской революции в российской прессе упоминаются мятежи в Венеции, Милане, Венгрии. Это обусловлено также тесной связью революции в Австрии и национальных движений в других уголках империи Габсбургов, на что указывает Виноградов: «События, связанные с Франкфуртским национальным собранием, наглядно показали теснейшую связь австрийской революции с революциями в Венгрии, Италии, Германии» [1, 159–160], что еще раз говорит о важности исследования того, как эти события освещались в российской печати.

Важно отметить положение российской печати на момент начала движения «весны народов». Николай I, будучи напуганным революционным настроением со стороны Европы, создает негласный комитет, в обязанности которого входит передача «записок» об изданиях, распространяющих «крамолу» среди населения. В конце марта 1848 г. Уваров выдвигает требования к столичной прессе «не только отклонять все статьи предосудительного направления, но и содействовать своими журналами правительству в охранении публики от заражения

идеями, вредными нравственности и общественному порядку» [5]. Годы тотальной цензуры с 1848 г. по 1855 г. вошли в историю как «мрачное семилетие», и этот факт стоит учитывать при изучении материалов об Австрийской революции, выпускаемых в печатных изданиях при Николае I. Политические новости, в том числе из-за рубежа, не имели права быть затронутыми в журналах, не пройдя цензуры, и единственными источниками информации о событиях в Европе были газеты, несущие проправительственную политическую окраску, что подтверждает Б. И. Есин: «Его фельетоны [Пушкина] были важным вкладом в борьбу прогрессивной печати с печатью проправительственной, какой были органы Булгарина и Греча («Северная пчела» и др.)» [6].

Нашей целью было исследовать характер освещения и оценку газетами Российской империи событий 1848 г. в Австрии. Для этого был проведен сравнительный анализ на содержательном и стилистическом уровне крупнейших печатных изданий: «Московских ведомостей» (№ 55–81 за 1848 г.), «Санкт-Петербургских ведомостей» (№ 58–82 от 1848 г.), «Северной пчелы» (№ 56–82 за 1848 г.). Также были исследованы журналы «Современник» (том I–XII за 1848 г., том I–XII за 1849 г.) «Библиотека для чтения» (том LXXXIV–CVIII за 1848–1849 г.) и «Отечественные записки» (том LVI–LXXX 1848–1849 год).

Хроника революций во Франции и Германии велась в газетах Российской империи достаточно подробно и также достаточно изучена в дискурсе российской дореволюционной печати. Сообщения об Австрийской революции в газетах и журналах 1848 г. ранее никогда в отдельности не рассматривались. Вопрос об Австрийской революции в целом мало разработан. В исторических трудах тема Австрийской или Венгерской революции поднимается, зачастую объединяясь с темой немецкой революции или с буржуазными революциями в Европе в целом.

А. С. Нифонтов в книге «Россия в 1848 году» подробно рассматривает освещение в российской прессе в целом революций 1848–1849 гг., не выделяя отдельно австрийское, немецкое или французское революционное движение. О. В. Орлик собрала значительный материал об отражении французской революции в отечественной печати, сконцентрировавшись на освещении социалистических воззрений. Труды Р. А. Авербух [7] позволяют составить полное представление о венгерской революции (Венгрия входила в состав Австрийской империи), но аспект освещения революции рассмотрен в ее трудах только на примерах Герцена и Чернышевского, государственная и прогосударственная печать не рассматривается. А. В. Кривицкая [8] рассматривает публикации «Северной пчелы» как с точки зрения фактологической и событийной точности, так и с точки зрения стилистики, но только в промежутке 1825–1830 гг. В. И. Конькову [9, 112] принадлежит фундаменталь-

ное исследование стилистики «Северной пчелы», однако газета изучается опосредованно, не сравнивается с другими печатными изданиями, привязка к событиям в исследовании играет роль «фона».

Особенности цензурных ограничений и политическую ориентацию газет исследовал А. А. Осташевский [10], основополагающим трудом в этой сфере является монография А. М. Скабичевского, который, кроме того, отмечает, что «Северная пчела» была «привилегированной газетой», которой одной разрешалось сообщать и обсуждать политические известия [11, 299]. Б. И. Есин также отмечал роль «Северной пчелы» в освещении политических событий 30–40-х гг.

События Австрийской революции начинают освещаться в российской печати с 15 марта 1848 г. Первые новостные заметки о событиях в Вене выходят в «Московских ведомостях» и «Северной пчеле». Сдержанно, в информационном стиле «Московские ведомости» сообщают об учреждении национальной гвардии и о планирующейся отмене цензуры, не связывая это ни с какими революциями или восстаниями. Это будет единственное сообщение о событиях в Австрии за все мартовские номера газеты — «Московские ведомости» старательно избегают этой темы. В своем номере от 15 марта «Северная пчела» более обстоятельна: сообщая о тех же событиях, она неприметно говорит об их причинах: «В течение вчерашнего дня изданы объявления, которыми предписываются различные меры к сохранению тишины и порядка, нарушенных в последние дни *народными сходбищами*».

Историческая важность мартовских событий тщательно замалчивается российскими газетами, их масштаб предстает в приуменьшенном виде («народные сходбища»), а информационные сообщения передают о мерах правительства и о его рескриптах, игнорируя революционные события. Сравним с тем, что пишет о событиях 15 марта Р. А. Авербух: «Результаты победы 15 марта были весьма значительными. Они стали стимулом для дальнейшего массового движения. Выдвигая все более радикальные антифеодалские лозунги, крестьяне торопили Пожонское собрание с разрешением крестьянского вопроса. <...> В движение были втянуты значительные прослойки мелкого и среднего дворянства, мелкая буржуазия городов, многочисленная интеллигенция» [7, 39].

С опозданием на один день, 16 марта, ту же информацию об учреждении национальной гвардии и об отмене «закона о тиснении» публикуют «Санкт-петербургские ведомости», однако не пересказывают содержание рескрипта, а перепечатывают его и дают комментарий — о реакции граждан Вены на опубликование этого указа: «Эта *благородная уверенность в непоколебимой преданности* своих верноподданных успокоила взволнованные умы и несомненное доказательство *любви и уважения к Монарху*, унич-

тожили последнюю преграду, остававшуюся между ним и народом. <...> Император, окруженный всеми членами своей Фамилии, вышел на балкон, и был приветствован единодушными криками: «*Да здравствует Император!*». События подвергаются субъективной проправительственной интерпретации, ярко выражая позицию издания — промонархические тенденции, довольно безыскусная попытка акцентировать внимание читателя на единении монарха с народом и безоговорочной преданности ему нации.

В тот же день, 16 марта, «Северная пчела» сообщает о выступлении из министерства князя Меттерниха и сопровождает характерным комментарием о воцарении спокойствия, что, безусловно, не соответствует действительности, но должно успокоить читателей и погасить их интерес: «Вот эти меры вполне успокоили жителей Вены, *приведённых в брожение партией*, которая воспользовалась происшествиями во Франции для своих видов, и в австрийской столице вновь водворяется прежнее спокойствие». Однако здесь особенный интерес представляет то, что «Северная пчела» вновь косвенно обращается к народным волнениям, упоминает о них и даже указывает на их причину — граждан «привела в брожение» партия.

Материал в «Северной пчеле» от 19 марта отличается отсутствием инфопова: «Город принимает свой прежний мирный вид» — пишет газета без привязки к какому-либо событию, лишь для того, чтобы выразить свою политическую позицию и попытаться создать видимость спада революционных настроений. Затем 21 марта «Северная пчела» публикует сухую сводку о назначении нового кабинета министров, перечисляя, кто вошел в новое правительство. От косвенных указаний на причину его формирования в этот раз газета Булгарина воздерживается.

21 марта до российских газет доходят сведения об опубликовании патента об амнистии для политических преступников в Австрии. Реакция изданий на него очень характерна для освещения австрийской революции: «Московские ведомости» игнорируют это сообщение и не печатают никаких новостей из Австрии, «Санкт-петербургские ведомости» перепечатывают патент об амнистии целиком, не давая никаких дополнительных комментариев или сведений. В публикации патента нас интересуют строки, не несущие иной смысловой нагрузки, как выражения промонархических устремлений; они очень близки позиции самой газеты, которую та выразила ранее в комментарии к сообщению от 16 марта — их «Санкт-петербургские ведомости» оставляют в манифесте: «Надеемся, что<...>наши верные подданные докажут нам свою любовь и привязанность, которую они оказывали во многих случаях». «Северная пчела» в выпуске от 22 марта пересказывает патент об усмирении беспорядков и добавляет новость с лагеря военных действий по усмирению восставших, снова бросая намек на силу революционных событий, хотя

и прикрываясь незначительными фразами об усмирении и спокойствии: «Однако главнокомандующий граф Радецкий усмирив восставших и к вечеру восстановил спокойствие. По письмам из Цюриха узнают, что вследствие борьбы, завязавшейся в Милане, вице-король был принуждён покинуть Милан: но, это известие ещё требует подтверждения». Обратим внимание на важный прием газетной риторики николаевского времени — неблагоприятное для монархии событие выставлено как недостоверное, требующее подтверждения.

На недолгий период инициатива по освещению революционных событий переходит к «Санкт-Петербургским ведомостям»: они публикуют сообщение о беспорядках в Милане, а затем об изменении условий приема в национальную гвардию. В газете затрагивается еврейский вопрос — сообщается, что евреи бегут из Австрии в Петербург, опасаясь гонений, «которые, если верить только части рассказов, припоминают гонения Средних веков». Газета пишет, что повод бегства — запрет на вступление в национальную гвардию. Абзацем ниже «Санкт-Петербургские ведомости» недвусмысленно перепечатывают австрийское объявление о запрете приема евреев в Нацгвардию «для предотвращения всякого волнения». 24 марта «Санкт-Петербургские ведомости» единственные публикуют новость о временном правительстве в Австрии. К этому сообщению редакция добавляет: «В Венской газете от 27-го числа прибавляют, что потом дела в Венеции поправились». Такое дополнение — обратная сторона явления, что мы наблюдали в «Северной пчеле» от 22 мая — если правдивые неблагоприятные сведения выставляются возможными и непроверенными, то ложные (или непроверенные), но благоприятные для официального курса публикуются со ссылкой на источник для придания им вида истинности.

После данного сообщения «Санкт-Петербургские ведомости» фактически замолкают. До конца марта у них не выйдет ни одного материала, посвященного Австрийской революции, в апреле и мае будут публиковаться редкие сводки военных действий без упоминания, что они направлены на усмирение восставших. В конце марта инициативу вновь берет в руки «Северная пчела». 29 марта газета Булгарина печатает некое письмо, говорящее, что удержать ситуацию под контролем становится все труднее, жители боятся и не могут найти выход из сложившейся ситуации, война кажется им неизбежной. Кроме письма также печатается сообщение о том, что Венеция объявила себя республикой — при этом «Северная пчела» пользуется вышеупомянутой тактикой — о неповиновении Венеции написано в форме «распространилось известие» (ненадежный источник, неправдоподобность). В противовес этому со ссылкой на источник в Триесте издатель сообщает, что в Венеции все благополучно: «Все тамошние сословия

обнаружили величайший энтузиазм и непоколебимую привязанность к императорскому дому. Национальная гвардия исполняет свою службу с неутраченным усердием и наблюдает за спокойствием и порядком в городе. Многие эмиссары, прибывшие из Венеции с намерением возмутить народ, были схвачены при выходе на берег и отданы в руки правосудия». Помимо оценочных высказываний о благодушном отношении народа к монархии следует отметить, что «Северная пчела» рассматривает события революции в Австрии куда глубже — в выпуске говорится о том, кто возбуждает народ на восстание — эмиссары, то есть отрицается личная заинтересованность народа в деле революции. В этом же письме выражено мнение, которое, вероятно, разделяет издатель: «Провозглашение уложения здесь изумило всех: для успешного проведения его в исполнение ничего не приготовлено, а для установления нового законоположения на прочном основании *недостаток спокойствия*, и к сожалению, все явления, вновь обнаружившиеся на сих днях таковы, что *принятие в скором времени решительных мер кажется невозможным*». Тем самым «Северная пчела» фактически говорит о том, что восстание значительно усилилось, а власть потеряла контроль, и новые законы, которые она выпускает, не работают в государстве, захваченном мятежниками.

30 марта «Северная пчела» единственная из российских газет выпускает новость об усмирении Милана — и впервые в газете появляется оценка ужасов войны против своих же сограждан. «После ужасного кровопролития, во время которого улицы были разрушены выстрелами, миланцы просили пощады», — сообщает «Северная пчела».

В период «мрачного семилетия» журнальная периодика была значительно стеснена законом о цензуре. Монополией на политические известия обладала «Северная пчела», другие издания не могли обсуждать политические темы. Из 59-го тома «Отечественных записок» была снята статья «Россия и Западная Европа в настоящую минуту», в которой, вероятно, должны были рассматриваться революции, захлестнувшие Европу.

Способом говорить о революционном настоящем было обращение к революционному прошлому — так, в 87-м томе «Библиотеки для чтения» появляется обзор на пьесу *Ledernier Figaro* в стандартном разделе «Французский театр в Париже». Пьеса не наделала большого шума во Франции, неизвестна в русских переводах и имела мало шансов стать успешной, однако действие в ней происходит на фоне Французской революции, что читатели не могли не прочитывать как определенный намек: «Приходит революция. <...> Фигаро рассказывает ему политические события, случившиеся за время сумасшествия его. Он в свой черед принимает Фигаро за сумасшедшего» (с. 191).

В сентябрьском номере «Библиотеки для чтения» публикуются мемуары, которые также можно прочесть как метафору революции: «Прошло около четырех лет со времени рассказанных событий до того числа, с которого я снова принимаюсь за перо. Многого случилось в этот промежуток времени, во мне явился новый человек, — человек государственный. Я не слишком дорожу этой метаморфозой. Я защищал надежды Франции, потому что одни они могут упрочить престол Бурбонов. <...> Чтобы всех примирить, я удалился, приняв звание посланника при берлинском дворе <...> [в Германии] Меня водили в новый дворец, уже разрушающийся. В старом Потсдамском замке до сих пор бережно сохраняются табачные пятна, изодранные и испачканные кресла, одним словом, все следы Фридриха Великого» (с. 65). Бегство героя-посланника можно прочитать как саму революцию, которая перемещается из Франции в Германию, чтобы обновить там старые, не пошатнувшиеся со времен Фридриха Великого устои и заложить основы для новых порядков, новой нравственности, которую вносит герой.

В 60-том томе «Отечественных записок» под авторством К. Полевого выходит статья об Антифранцузских коалициях — еще один способ говорить о революции косвенно. В ней Полевой выдвигает мысль, что истинным поражением для антифранцузских коалиций, был не Аустерлиц, а Вена. «Европа содрогнулась после Вены» (с. 138–139), — заявляет он. Эту статью, выпущенную без прямой связи с какой-либо актуальной повесткой можно также посчитать завуалированным посланием о революционных событиях — борьба с «весной народов» провалилась прежде всего в Вене, где национально-освободительная революция захлестнула всю страну, а революционное движение вышло как раз из Франции.

Освещение событий Австрийской революции в российской журнальной и газетной периодике отличалось сдержанностью. На примере публикаций 1848–1849 гг. ярко проявляются тенденции «мрачного семилетия» в российской печати, в частности, «тактика замалчивания». Явственно прослеживается государственный курс на ограничение внутривнутриполитической информации, стремление не допустить проникновения демократических и революционных идей, свойственных Австрийской революции, в Российскую империю.

Журнальная периодика 1848 г. оказалась неспособна откликнуться на события «весны народов», ограничившись достаточно условными намеками, которые можно трактовать двояко. В газетах события австрийской революции освещались очень мало, несмотря на большой поток корреспонденции, активность революционного движения и наличия инфоповодов. Мы предполагаем, что это вызвано тем, что австрийская революция представлялась правительству более угрожающей, чем французская, так как

носила не буржуазный характер (буржуазная революция в России в 1840-х была еще не подготовлена социальными условиями), а национальный, что было более вероятным в многонациональной и активно расширяющейся империи с наличием политически нестабильных областей.

«Санкт-Петербургские ведомости» предпочитают перепечатывать документы, выпущенные австрийским правительством, редко сопровождают их комментариями, а если сопровождают, то они представляют собой очевидную политическую манипуляцию, которая не может показаться правдоподобной. «Северная пчела» сообщает о новостях пересказом рескриптов, дополняет материалы сообщениями из Габсбургской империи, стиль ее более описательный. Это уже заметил В. И. Коньков: «Прежде всего отметим, что происшествие [в «Северной пчеле»] представлено на основе изобразительного повествования с семантикой событийного типа, в котором вместе с тем большую роль в актуализации изобразительного начала играет лексика идентифицирующего типа». Выразительность в газете Булгарина достигается эмоциональной окрашенностью слов («ужасное кровопролитие», «с боязненным нетерпением», «неутомимое усердие») и созданием конкретных зарисовок — например, об усмирении Милана или о «брожении» в Венгрии [9].

В научном дискурсе распространено мнение о яркой проправительственной позиции «Северной пчелы», она считается «гласом режима». А. В. Кривицкая пишет: «После 1825 г. «Северная пчела» окончательно сформировалась, как правительственный орган. Главной целью газеты становится прославление верноподданничества и демонстрация преданности престолу и чистоты нравов» [8]. Однако на примере материалов об австрийской революции мы видим, что «демонстрацией преданности престолу» занимается скорее «Санкт-Петербургский вестник», тогда как «Северная пчела» косвенно информирует своих читателей о масштабе бунтов и мятежей, выражает сомнение в контроле правительства Австрии за ситуацией и говорит о жестокости усмирения участвующих в революции. Это дает основания переосмыслить роль газеты Булгарина в информационном поле XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. Н. Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / В. Н. Виноградов, Т. М. Исламов, Л. А. Кирилина и др. — М., 2001. — 456 с.
2. Орлик О. В. Передовая Россия и революционная Франция (первая половина XIX века) / О. В. Орлик. — М., 1973. — 292 с.
3. Häusler W. Von der Massenarmut zur Arbeiterbewegung: Demokratie u. soziale Frage in der Wiener Revolution von / W. Häusler. — Wien, 1848, 1979.

4. Нифонтов А. С. Россия в 1848 году / А. С. Нифонтов. — М., 1949. — 316 с.
5. Простаков С. А. Мрачное семилетие 1848–1855 годов / С. А. Простаков // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. — 2014. — № 2. — С. 62–69.
6. Есин Б. И. История русской журналистики XIX века / Б. И. Есин. — М., 1989.
7. Авербух Р. А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848–1849 / Р. А. Авербух. — М., 1965.
8. Кривицкая А. В. Издательство Греча и Булгарина в истории освободительного движения России (на примере журналов «Северная пчела» и «Сын отечества») / А. В. Кривицкая // Система ценностей современного общества. — 2016. — № 44. — С. 75–79.
9. Коньков В. И. От публицистичности к публицистическому стилю: «Северная пчела» 1847 года / В. И. Коньков // Медиалингвистика. — 2021. — Т. 8. — № 2.
10. Осташевский А. А. Цензурные уставы XIX века и их влияние на формирование системы российской прессы: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / А. А. Осташевский. — Краснодар, 2009. — 20 с.
11. Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863) / А. М. Скабичевский. — СПб., 1892.

*Образовательный центр Maximum Education
Ershova A. A., преподаватель
E-mail: alisa.ershova75@gmail.com*

*Maximum Education Educational Center
Ershova A. A., lecturer
E-mail: alisa.ershova75@gmail.com*